

Прораб Валерий Петрович Акишев нашёл на Литейной улице родного города камень с ладонь шириной: чёрный, округлый, с рыжими подпалинами — тот лежал в ручье, бегущем после дождя в канавке у дороги. Этот камень, необычно тяжёлый для своего размера, с неглубокой бороздкой поперёк, Валерий Петрович зачем-то положил в багажник своих «жигулей» и отвёз на дачу. С тех пор находка лежала в цветнике среди других, обычных камней. Пять лет лежала. Раз в год, по весне, Акишев помогал жене Нине перекладывать эти камни, выравнивая клумбы. И всякий раз брал в руки чёрный камень и долго взвешивал его в руке, ощупывал и осматривал шероховатую, зернистую поверхность. Этот предмет его сильно озадачивал; с самого начала казался чужеродным — и своим весом, и схожестью с подгоревшим пирожком или кофейным зерном, распухшим до гигантского размера.

Камень вносил в жизнь Акишева не то чтобы нервность, но, скорее, тоскливое беспокойство. Он словно и манил, и отталкивал одновременно. Может, этот увесистый «пирожок» — из отходов чугунно-литейного производства, или даже радиоактивный? Или взрывоопасный?

«Взял на свою седую голову блин горелый. Неизвестно, из какого теста сделанный!» — думал Валерий Петрович.

Всё необычное настораживает, даже пугает и отталкивает. Наверное, поэтому через пять лет, по осени, обескураженный тем, что так и не понял, почему «блин горелый» вызывает у него раздражение и неприятие, Валерий Петрович вдруг вышел за калитку дачи и со всего размаха швырнул его подальше в лес. Акишев даже сам не понял, зачем это сделал. Камень пролетел пулей сквозь полупрозрачную крону берёзки и исчез. Потом донёсся глухой удар, и затем ещё три удара потише, словно камень сделал прыжки. Это тоже показалось странным: увесистый, словно противопехотная мина, а скачет, как заяц. Правда, прошедшее лето было жарким, сухотравным, и земля отвердела.

Акишев пробормотал библейское «Время разбрасывать камни...» и удивился уместности подобной фразы. И ещё мелькнула мысль: «Не найти, даже если захочется».

В феврале следующего года, когда эпидемия коронавируса на планете только начиналась, жена сводила его на экскурсию в московский планетарий. В этом научно-просветительном учреждении Акишев уже побывал один раз, в детстве, вместе с классом и учительницей. Но всё, что осталось в памяти, — как он и его друг Жора Колодезный безуспешно пытались приподнять осколок железного Сихотэ-Алинского метеорита и как на них ругалась учительница...

Вот и теперь, спустя сорок с лишним лет, Акишев вначале ознакомился с коллекцией метеоритов, даже пощупал парочку самых больших: один — железный, на него наткнулся какой-то подмосковный грибник, а другой — железокаменный, в виде панциря доисторической черепахи или дракона. Потом, сидя в удобном кресле Большого Звёздного зала, Валерий Петрович испытал лёгкое головокружение от эффектного полёта по Солнечной системе. Ему даже показалось, что он космонавт, закладывающий в ракете виражи от одного космического тела к другому.

А потом Акишевы зашли в магазин планетария и увидели, что метеориты, оказывается, можно купить. Правда, цены даже на самые маленькие космические сувениры кусались. «А что, если найти большой метеорит и продать? — подумал Валерий Петрович. — Если один грибник нашёл, то почему и мне не найти!» В юности у Акишева были разные мечты, а теперь осталась одна — разбогатеть. Правда, он не заикливался на этой мечте, относился к ней с фаталистическим спокойствием. «Мечта не терпит суеты», — считал Валерий Петрович.

И вдруг он вспомнил про камень из цветника и понял, что случилось нечто ужасное. Улетевший в лес камень скорее всего и был настоящим метеоритом. Акишев ясно представил себе необъятную, в ослепительных звёздных россыпях Вселенную, по которой миллиарды лет мчится небольшой, похожий на кофейное зерно камень, а потом горит от трения в атмосфере Земли и, оплавленный, падает в ручей...

Он с нетерпением ждал, пока сойдёт снег, читал в Интернете статьи про метеориты. Ранней и тёплой весной, сразу после праздника мимоз, Валерий Петрович на выходные примчался на дачу и поспешил в лес, искать метеорит.

Оказалось, что некоторые прошлогодние листья были чёрными и овальными, как и его камень. Это несколько обескуражило Акишева.

Когда по дороге, построенной вдоль дачного забора, проезжала машина, Валерий Петрович замирал, делая вид, что просто дышит воздухом, или старался встать за ствол дерева. А то ещё скажут: чудака-человек — шастает по кустам, грязь да клещей собирает. Впрочем, люди скорее всего решат, что домовитый мужик хочет втихую спилить дерево для своих дачных нужд. Только, опять же — чудака-человек, потому что на опушке, на виду дач, умные мужики порубов не делают, надо в лес углубиться. Да мало ли что он тут делает! Человек, может, потерял хороший грибной ножичек осенью, а по весне решил найти. Или вообще... могилку любимой кошки посещает.

Все эти мысли наконец надоели Акишеву: много оказалось самых обычных объяснений тому, что он ранней весной бродит сомнамбулой среди берёз и сухих крапивных стеблей. Другое дело, если он начнёт граблями орудовать, вот тогда точно привлечёт самое пристальное внимание дачников.

Может, камень свалился в неглубокий овраг, в котором лежат кучи веток, консервные банки и даже торчит из-под полусгнивших листьев лысая головка сломанной детской куклы. Несмотря на тёплую солнечную погоду, кое-где на дне овражка ещё видны куски льда... Стыдно вдруг стало Валерию Петровичу от того, что космический гость мог лежать среди этого хлама. Конечно, склоны овражка постепенно оплывают от дождей и весеннего таяния снега, и однажды скроют под суглинком все предметы — доказательства человеческой невоспитанности и беспечности. Одни скроют, другие появятся...

Скорее всего, это бред, детская мечта, думал Валерий Петрович. Ещё школьником он увлекался астрономией, любил читать молодёжные журналы, в которых печатали статьи о разных загадочных случаях, аномалиях и гипотезах, древних цивилизациях, артефактах и даже о летающих блюдцах. Суровая правда жизни всё расставила на свои места: загадки загадками, а семью кормить надо. Особенно в девяностые годы стало понятно, насколько человек — приземлённое, грубое существо. Но однажды,

в сентябре 2002 года, чувство приземлённости дрогнуло и замутилось событием, которое никак не укладывалось в устоявшийся быт Акишевых.

В городе Акишевы живут в старой панельной девятиэтажке. Железная дорога проходит сразу за соседними высотными домами. Вот над ними, на юго-востоке, поздним субботним вечером Валерий Петрович увидел странную по своей величине белую звезду. Он сразу понял, что никакой звезды такой яркости здесь никогда не было и быть не может.

Тот год запомнился сильным задымлением. В начале сентября дым от горящих торфяников окутал Москву и С.-Петербург, даже в метро висела сизая дымка. А потом и родной город Акишева потонул в молочном вонючем тумане; контуры девятиэтажек едва просматривались. Валерий Петрович даже в овощную палатку за арбузом ходил в респираторе. И никто над ним не смеялся.

Дым понемногу рассеялся, и к празднику небо прояснело. Вечером, после праздничного фейерверка, завершившего День города, Акишев лежал на софе и листал строительный журнал «ВОМС». Вот так, лёжа, и обратил внимание на яркую звезду в окне. Поначалу подумал: самолёт — летит помаленьку, топливо сжигая, в сторону аэропорта, до которого недалеко, на машине можно за сорок минут доехать. Но уж больно медленно летит. Почти висит над крышей соседней девятиэтажки белым шариком.

Валерий Петрович, может, и не встал бы с софы, если бы Нина не зашла в комнату и не спросила:

— Что это яркое летит? И так медленно?

Валерий Петрович встал и подошёл к окну. К сожалению, у него нет бинокля, поэтому, озадаченный яркостью и почти неподвижностью звезды, он вышел на балкон. «Звезда» не мигала, значит, это был не самолёт. Передвигался белый шарик очень медленно, и Акишеву вскоре надоело смотреть. Объект полз по небу над промышленной частью города, параллельно железной дороге, над научно-производственным предприятием — в сторону цементного завода.

Наконец звезда пролетела над соседней девятиэтажкой и скрылась за одноподъездной высоткой. Валерий Петрович решил, что скорее всего странный объект он больше не увидит. Но случилось невероятное... Из-за высоты вылетело нечто, заложившее вираж и распавшееся на три огня: в центре — большой голубоватого свечения шар и по бокам — ещё по шару, поменьше. Эти шары создали мутно-радужный дисконидный контур, который плавно и быстро полетел, удаляясь в сторону автотрассы. Исчезая, мигнул белым огоньком на прощанье.

Валерий Петрович давно не употреблял спиртных напитков, так что никто не мог его обвинить в галлюцинациях с белочками, тарелочками и зелёными человечками.

Фантастическое зрелище поразило Акишевых. В подобное трудно поверить. Зрелище длилось три-четыре секунды и напоминало кадры из фантастического фильма про звёздные войны. А минут через пять, когда Нина ушла на кухню, раздался мощный удар с металлическим отзвуком в воздухе. Звук был не просто громкий, но и ещё и какой-то вибрирующий, словно уронили громадный лист железа.

Жена тут же вернулась в комнату и спросила с удивлением и тревогой:

— Ты слышал? Небо трясётся.

На следующий день друзья Колодезные, живущие в самом центре города, сообщили, что тоже видели этот светящийся шарик. Многие в городе говорили об этом небесном явлении. Посудачили и забыли, потому что современного человека мало интересует происходящее где-то высоко над головой. Тем более, что в тот же день в Москве, на площади Маяковского, около двух тысяч человек с флагами и транспарантами устроили потасовку с милицией. Впрочем, и об этом тоже забыли через пару дней.

Можно спорить сколько угодно о природных аномалиях, самолётах, дирижаблях, шаровых молниях, но то, что Акишев наблюдал в те секунды, когда объект закладывал вираж, было красиво. «Если отыскать эту «тарелку», деньги немалые можно выручить. За молчание», — думал Валерий Петрович, которому слава нужна была как корове седло. А молчать он умел.

Но всё это — сказки «в стране мечтателей, стране учёных», миражи, былички электронного века, считал Акишев. «Сказками» и так вся наша жизнь пронизана. В дисциплинарном батальоне, где проходил в своё время армейскую службу Валерий Акишев, сказочником назывался военнослужащий, который зачитывал наизусть осуждённым, направляемым на работы, так называемую утреннюю «сказку». То есть инструкцию об условиях работы за территорией зоны. Валерий Петрович нередко вспоминал то время.

Краснопогонный сержант «мусоротряда» выводит дисбатчиков с территории зоны в предзонник — пропускную территорию, ограниченную с двух сторон воротами. Их останавливают: «Стой! Раз-два! Нале-во!». Зима, пар клубится, сторожевые собаки скалятся на строй зеков, лают...

Некоторые офицеры запоминали наизусть текст инструкции, но большинство пехотных ваньков не могли протарабанить всю «сказку» наизусть: не в состоянии запомнить или просто ленились. И тогда на помощь звали «сказочника» — солдата с хорошей памятью. Вот таким «сказочником» и был длительное время сержант Акишев, человек грамотный, успевший до армии закончить строительный техникум.

По уставу инструкцию надо было читать в обязательном порядке, потому что если вдруг не зачитать, а какой-нибудь зек побежит с места работы и будет застрелен, то командира отдадут под суд: почему не предупредил зеков! Если инструктажа не было, то, скажут, что осуждённый просто забыл об условиях работы вне зоны и по глупости побежал.

И вот осуждённые стоят в предзоннике, а сержант Акишев читает утреннюю «сказку»: «Внимание, осуждённые! Передвижение на объект осуществляется строем. Вам запрещается переходить из колонны в колонну, из шеренги в шеренгу, разговаривать и курить в строю. Выход из строя далее, чем семь шагов, расценивается как попытка к побегу. В данном случае конвойная бригада проинструктирована применять оружие на поражение без команды «Стой! Стрелять буду!» и предупредительного выстрела».

После этой утренней «сказки» офицер давал команду: «Напра-во! Шаго-ом марш!» Конвойные расставались по периметру колонны, и начиналось движение за ворота предзонника.. Вот и все сказки! А «летающая тарелка», решил Валерий Петрович, — очередной эксперимент военных академиков.

Метеорит — совсем другое дело. Вечный путник с каменной душой, он не давал Акишеву покоя, зудел в памяти, словно старое осколочное ранение.

Наступил вирусный апрель, и, начальство строительной компании отправило Валерия Петровича в отпуск. Пришлось поселиться на даче надолго.

Вирусов он не боялся, считая, что человек в принципе смертен, рано или поздно окончит земной путь, и поэтому глупо умирать от страха перед смертью. Телевизор он не смотрел, но и никогда не критиковал программы, считая, что нечего на зеркало пенять, если время кривое. Поэтому он терпеливо выслушивал Нину, которая рассказывала ему о телевизионных новостях, а потом зачитывала из интернета разные любопытные тексты: о поэте Пушкине, застрявшем в 1830 году в деревне из-за холеры, о том, как спустя сто лет люди прятались от эпидемии испанки... А иногда Нина зачитывала ему отрывки из Библии или других церковных книг.

У неё, женщины невысокой, полненькой и подвижной, привыкшей суетиться у плиты в пищеблоке детского садика, даже в пятьдесят шесть лет было миловидное личико с курносым носом, круглыми синими глазами и очень чистой белой кожей.

Теперь жена отвлекала супруга от мыслей о метеорите. Валерий Петрович даже опять взялся за чтение. В мансарде дачного дома висели две полки с книгами: одна — Нинина, с детективами, советами огородникам и Библией, другая — его, с книгами по строительству, обустройству дачного участка, и ещё несколько хорошо иллюстрированных книг об античных городах. Именно в них он вычитал, что в жилище должны сочетаться такие качества как польза, прочность и красота. Понятно, что в «хрущёвках» и девятиэтажках — только польза, и то сомнительная. Древнеримский архитектор ужаснулся бы при виде фасадов наших домов и входных конструкций...

«Может, взять да вырезать из дерева лебедей и установить их над воротами? — подумал Валерий Петрович. — Это лучше, чем какой-нибудь флюгер на крыше. Возрождение древних традиций... Однако, давненько я не плотничал...». Да, Акишев, конечно, многое подзабыл, но опыт и природная любознательность, интерес к чтению — подвигали его к совершенствованию быта. Он не раз видел лебедей, вырезанных из автопокрышек, из пластиковых бутылей, но это всё не то. Вот из дерева — совсем другое дело.

Когда жена в очередной раз поднялась по скрипящей лестнице в мансарду, он поделился своей идеей.

— Жуткая безвкусица, — сказала Нина, пытаясь отдышаться. — Лучше тогда... львов, что ли, смастери. Кашпо для цветов.

Цветы напомнили Акишеву о метеорите:

«Блин печёный, будь он не ладен! «Ты идёшь, а он летит!» Как вирус... Семь лет назад, перед появлением свиного гриппа, в Китае пролился сильный метеоритный дождь...»

— Нин, а может, прогуляемся до сельпо?

— С ума сойти! — воскликнула жена. — В доме ступить некуда: того гляди гречку раздавишь.

— Да это я так...

— Может, мы теперь по интернету будем заказывать.

— Тогда пойду грибов наберу.

— Сморчков, что ли? Эти «обезьяньи мозги» — не грибы, одно наказание! Чистить их сам будешь. — Нина вдруг сообразила, в чём дело. — Опять за метеоритом своим собрался. Имей в виду: чёрные камни просто так с неба не падают.

Валерий Петрович сурово поглядел на жену, заметно поправившуюся за три недели антивирусного карантина, словно она опять работала поваром, и без намёка на сарказм произнёс:

— Затарились, значит... Но когда припасы кончатся, будем жить впроголодь. Пока метеорит не продадим.

— Ты его найди вначале!

— Найду, обязательно найду, — и, стараясь подавить в себе раздражение, Акишев несколько раз мысленно повторил: «Мечта не терпит суеты».

Нина хотела возразить, но запнулась и промолчала. Валерий Петрович знал, что в момент сильного раздражения морщины придавали его лицу пугающую жёсткость, и иногда этим пользовался.

И Акишев опять направился в лес, хоть и понимал, что выбросил камень со злым усилием, чтобы потом не искать. Чутьё тогда подсказало Валерию Петровичу, что от непонятного булыжника нужно избавиться. Не иначе память прошлого зыграла. Фамильная, можно сказать. Помнится, прабабка ещё рассказывала, что в древности жил в тульской деревне их предок по кличке Акишок. Поговорить дед любил, но вот беда — словарный запас невелик, и он часто, и в лад и невпопад, твердил: «Аки шо...». Эта словесная конструкция несла множество самых разных значений: ничего, мол,

всё в порядке, всё утрясётся, переживём, если что, обращайся, как бы чего не вышло... До бесконечности!

С тех пор много листья дерева сбросили, многое земля в себя вобрала. А жизнь продолжается, «аки шо»!..

От сырого, пропитанного запахом прелости воздуха, ветра, приносящего острую морось, хочется горячего чая с лимоном. Но достаточно посмотреть вверх, на невинное апрельское небо, нехотя раздвигающее облачные перины: тёмно-серые, дождевые — на запад, а ослепительно-белые — на восток, и пусть солнце белёсое, дымчатое, — всё равно становится радостно на душе, и сил прибавляется.

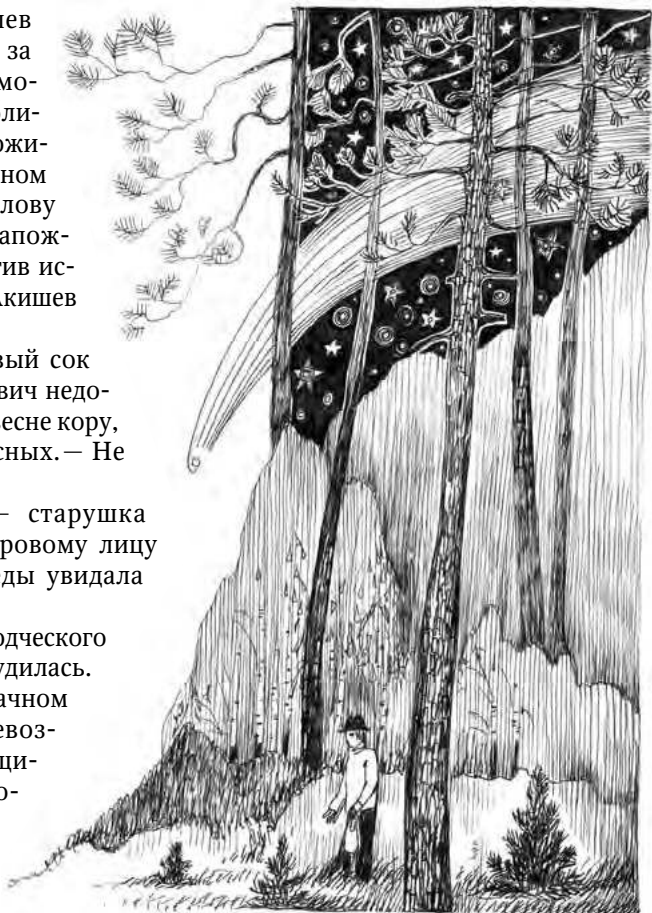
Не заметил, как добрался до той части леса, где остались со времён войны окопы и ямы от блиндажей — память о последней линии обороны. Немцы сюда, к этой заросшей лесами возвышенности, не пробились. Тут и смешанный лес, и дубрава, спускающаяся постепенно к оврагу с ручьём, а чуть выше березняк и осинники, и заросли орешника. И всегда много грибов. И тропинок достаточно, но... странное место: зевнул разок и леса уже не узнаёшь. Ориентиры теряются. Вроде бы и дубрава рядом, и овраг, за которым растянула на два километра свою единственную улицу деревня, но вдруг выйдешь на пересечение тропинок и замрёшь. Стоишь, озираешься и никак не можешь понять, в какой стороне деревня и где поле садоводческого товарищества?

В глубине леса вдруг почудилось движение. Акишев всмотрелся и вздрогнул: что за наваждение! По лесу шёл монах... Но, когда фигура приблизилась, оказалось, что это пожилая женщина, в осеннем чёрном пальто с накинутым на голову капюшоном, в резиновых сапожках, с сумкой в руке. Встретив испуганный взгляд старушки, Акишев поспешил поздороваться.

— Что, бабушка, берёзовый сок собирала? — Валерий Петрович недолюбливал тех, кто режет по весне кору, чтобы напиться слёз древесных. — Не рано ли?

— Конечно, не пора, — старушка скользнула взглядом по суровому лицу незнакомца. — Кабаньи следы увидала и с тропинки сбилась.

Шла она с дальнего садоводческого поля в Новогромово и заблудилась. Хотя в весеннем, ещё прозрачном лесу потеряться почти невозможно. Акишев вывел женщину к дубраве и показал тропинку к деревне. Проводив взглядом чуть сутуловатую старушку-потеряшку, решил вернуться к даче.

На обратном пути он думал о том, что не так давно Москва вобрала в себя земли, расположенные от неё в шестидесяти километрах к юго-западу, и дача Акишевых, и этот лес, со сморчками и кабанями, стал частью столицы. Нина обрадовалась новшеству, увидев перспективу с увеличением размера пенсии, а Валерия Петровича этот аспект не занимал; в советское время он бы уже пенсионерствовал в своё удовольствие, а в новом мире до заслуженного отдыха ещё три года кричать и кричать.

Где-то неподалёку стал вопросительно попискивать дрозд, словно удивляясь человеку-шатуну. Потом, ближе к дачам, заверещали трясогузки. «Вот поселится опять на крыше эта звонкая мелочь, — подумал Акишев, — спать давать не будет. А жена обрадуется: примета добрая».

И опять Валерий Петрович представлял, как его тяжёлый и одновременно несомый метеорит когда-то порхал космической птицей. Возможно, камень видел, как распалась планета Фэтон, разорванная силами тяготения гиганта Юпитера. Видел расцвет Марса, с морями и зелёными континентами, а может, и сам момент гибели марсианского рая. За миллиарды лет камень, должно быть, устал от грандиозных трагедий и наконец решил остепениться, отлежаться на живой голубой планете. Да, ради этого можно рискнуть сгореть в её атмосфере, измельчиться в труху. Нет, сгореть не удалось, лишь оплавился малость и почернел. Но зато железокосменный «пирожок» теперь неразрывно связан с судьбой удивительной планеты... Да, камень слишком старый, он долго летал. От привычки к вечному движению в бескрайней пустоте ему теперь непросто избавиться...

Пять лет пролежать в цветнике, под роскошным кустом розы, — это, конечно, необычайно приятно: тут и ласковые лучи местной звезды Солнце, и прохладная вода для полива. Правда, осенью и весной сыровато, а зимой лежать под снегом, в совершенно закрытом пространстве — очень необычно и странно. Теснота! Поневоле на простор потянет. Не иначе, замкнутость на пятый год совсем измучила камень, довела до клаустрофобии. А впереди — ещё одна зима, которую не хотелось бы вновь провести под белой формой атмосферных осадков. Что туземцу хорошо, комическому путешественнику смерти подобно. Перебраться бы куда-нибудь, сменить обстановку... Безмерность космоса притягивает, зовёт, и этот зов привычен и понятен метеориту. Нельзя закрыться от бесконечности, если ты бессмертен, или почти вечен — ну, до того момента, пока не раствориться в горниле какой-нибудь звезды. О чём может мечтать метеорит, пролежавший в цветнике пять лет? Да о том, чтобы ещё разок полетать, хоть немножко. Состояние полёта — ничем не передаваемое наслаждение!

У кустов орешника Акишев обнаружил несколько светло-коричневых сморчков, с шляпками из губчатых перевилов и углублений. Тех самых грибов, что Нина прозвала «обезьяньими мозгами». Раньше они тут никогда не росли, но это не удивило Валерия Петровича: у сморчков всегда тяга к перемене мест.

Только срезал грибы, смотрит: на тропинке опять появилась знакомая старушка-потеряшка с капюшоном на голове.

— Что ж ты..! — вырвалось в досаде у Акишева, но его смутил строгий укор, горевший в старушечьих глазах.

Пришлось возвращаться в дубраву и опять показывать дорогу. В этот раз он вывел потеряшку в самую середину покатога склона и показал ей в просвете между могучими дубами деревенские домики за оврагом.

Тропинки исчезают и появляются. И реки текут, а потом усыхают, и вновь начинают бить родники. Мир человеческий постоянно поворачивается своими плоскостями, как избушка на курьих ножках, иногда даже вывернется наизнанку. Так издревле

повелось, и так устроен человек, который словно забывает о своих корнях, а потом пройдёт сквозь перекрёсток Млечного пути и выйдет краше прежнего...

Наконец Акишев добрался до дома. От размышлений и хождений по лесу у Валерия Петровича разыгрался аппетит. И почему-то очень захотелось сала с чёрным хлебом и молодым чесноком.

— Жена, а у нас сало есть?

— Только сала не хватало! — невольно срифмовала Нина. — Оба холодильника скоро лопнут.

Нет, она теперь долго в сельпо не пойдёт, понял Валерий Петрович.

Он подсознательно хотел обезопасить именно себя и жену. И свою дачу. Потому что в сложные времена, когда города принимают на себя главный удар, лучше отсидеться здесь. Городам нынче плохо: пневмония, электронные пропуска, штрафы за нарушение режима, контроль и информационный психоз. Но сколько это может продолжаться! Страх не знает времени — эта мысль вызывала в Валерии Петровиче протест... Может, поэтому он бросил камень так, словно перед ним была не лесная опушка, а жилой дом, спроектированный бездарным архитектором и построенный пьяными строителями. Швырнул с остервенением, словно чувствуя исходящую от него угрозу, будто стараясь предотвратить надвигающуюся беду, не допустить завтрашний день с его всепланетным карантином. Закинул подальше — в лесной бурелом, в сырой и глухой овраг, чтобы никто никогда не нашёл. При броске чуть не вывихнул себе плечо.

«Где-то в космосе летит голубой метеорит... Подарок драгоценный» — всплыли в памяти слова из старого детского мультфильма. Там ещё слова были, что надо учиться на астронома, пока твой метеорит где-то в космосе... Нет, Валерий Петрович не жалел, что не получил в своё время институтского образования. Не было такой задачи, техникум вполне достаточно. А теперь в интернете Акишеву пришлось прочитать несколько статей о Солнечной системе, о метеоритике и о том, как вообще определить, что перед тобой гость из космоса. Впрочем, вышло славно на бумаге, но забыли про овраги...

В мансарде почти постоянно включён телевизор, старый, но, благодаря приставке, сносно показывающий двадцать программ. Нине этого достаточно, чтобы смотреть новости и православную программу «Спас». Потом она погружается в сомнения и начинает задавать вопросы:

— Говорят, что после эпидемии жизнь будет другой, не такой как прежде. Интересно, какой? Люди начнут ходить на четвереньках?

— Вряд ли, — отвечает ей Валерий Петрович, равнодушный к телевизору. — За последние десять тысяч лет человек не изменился. Как приручил кур и другую живность... И при опасности прячет голову в песок, как страус. А тут у нас глина, суглинок, если по-научному... Может, вместо денег трудодни введут. И талоны на питание.

— Скажешь тоже!.. Валер, ты бы перестал по лесу-то бродить. Я в книге читала: чёрный камень с неба — это знак апокалипсиса. Поэтому не думай, что найдёшь метеорит и мы разбогатеем. Скорее обнищаем, пока ты по лесам и оврагам будешь бродить.

— Голого раздеть невозможно, Нина. В случае чего возьму в долг у Жоры.

— Твой Жора сейчас под жёстким колпаком Ирочки. Она мне сама сказала: проштрафился. Знаешь, как она выразилась? Постой, дай вспомнить... Жора прибёг к финансированию дефицита ликвидности... э-э... у стороннего кредитора.

— То есть?

— Изменил с соседкой.

Банковский работник Георгий Колодезный или просто Жора, всегда любил цитировать Ильфа и Петрова. И когда началась эпидемия, он прислал через ВатЦап знакомую с юности фразу: «грузите апельсины бочках тчк братья карамазовы». Пора,

значит, запастись провизией. Акишев привычно ответил: «графиня изменившимся лицом бежит пруду». Жора не замедлил подытожить: «Вот так, с шутками и прибаутками, они встретили конец света».

Жорина супруга Ирина Колодезная — женщина нерожавшая, но волевая, очень умная, кандидат медицинских наук. У неё собственная ветеринарная клиника и, разумеется, — на всё своё компетентное мнение, а на эпидемию коронавируса — тем более. «Профилактика никому не помешает, — трещала она Нине по телефону, соглашаясь с правительственными мерами, но с некоторыми оговорками. — Лукавый не так страшен, как его малюют. Вирус не живёт на поверхностях домов и в лесу. Источником заражения может быть только человек... Вот увидите, переболеют все, а потом вирус станет сезонным. Так что самоизоляция нужна для профилактики, но, с другой стороны, отодвигает сезонность...».

После многочисленных диет Ирина была тоща и сухостойна, как старый камыш, и, по мнению Акишева, обезжиренная во всех отношениях. Валерий Петрович вспомнил: она долго объясняла Ниночке, почему у новой соседки второй год не плодоносят яблони. По её науке выходило, что яблони никак не привыкнули к новой хозяйке. Валерий тогда подумал: «Собачьих психологов называют кинологами, а яблоневых — яблологами».

— Просорочила мужа, — произнёс Валерий Петрович, посмеиваясь. — Зацепилась твоя Ирочка языком за угол дома. Жора ждал-пождал, да и пошёл... к другому колодцу.

Нине не понравились эти слова, видимо, из женской солидарности.

— Очень смешно, — поморщилась она.

Поздним вечером Акишев вышел во двор, закурил, посмотрел на звёзды...

...Звуки скатывания камня в лесной овражек вряд ли можно услышать с расстояния в тридцать-сорок метров. И тут Валерия Петровича озарило: его метательный снаряд ударился о ствол дерева, а потом — тук-тук-тук — о ветки! Значит, метеорит лежит под деревом, скорее всего, под берёзой, их у опушки несколько. И старый дуб тоже неподалёку. И — множество молодых осинок, под которыми Валерий Петрович, как правило, находит подосиновики. Летом здесь травища вымахивает, и грибы находишь, если их оранжево-красные шляпы уже достигли внушительных размеров. Поэтому искать летуна нужно сейчас, весной. Осенью деревья опять сбросят листву, и железокламенный «пирожок» укроется ещё одной накидкой. Не отыщешь, пока не наступишь. А если дожди зарядят, да ещё зазеваешься, так и вдавишь его в глину и не заметишь, дальше пойдёшь.

Бросал в сторону лесного оврага, а туда метров сто, не меньше, — конечно, не добросил! Камень на взлёте просквозил крону молодой берёзки, промчался над полянкой и... Валерий Петрович в тот момент хотел отправить его в самую чашу лесную, но «пирожок» наверняка не долетел. Предположительная траектория и дробный стук падения явно указывал, что гость из космоса начал снижаться раньше задуманного и встретился с одним из деревьев опушки... Камень бесконечности. Подарок драгоценный... Лес не желал возвращать его Валерию Петровичу. И в помощь некого позвать.

Эх, будь рядом дети да внуки, сейчас бы и опушку прочесали, и поглубже влезли. Но где они все? Сын в торговом флоте на Дальнем Востоке трудится, ни семьи, ни детей. Пишет, что в Японии жить собирается. А дочь с двумя детьми в Архангельске, там у её мужа бизнес, мастерские по ремонту моторных лодок и снегоходов. Дочь и сама давно не приезжала, и в гости к себе не приглашает. «Говорит, что у нас ночевать негде, квартира маленькая, — думал Валерий Петрович. — По другим меркам жить привыкла. Да нашей бедности стесняется. А и то сказать: какой от нас теперь

толк! Это в девяностые годы, когда грузчиком подрабатывал за несколько банок тушёнки в день, сил много было... Так вот и прошёл по жизни, как по аномальной зоне. Годы промчались метеором».

Нина прожила с ним долгую жизнь, она хорошо чувствовала все тонкости настроения мужа. Поэтому, когда Акишев вернулся из леса мрачнее тучи, Нина раскрыла книгу и принялась листать страницы:

— Прекращай, Валер, свои поиски в лесу... Вот послушай, что нужно искать в жизни: «Ищите прежде Царствия Божия и Правды Его, а остальное всё приложится вам». Это Господь сказал, а Он не ошибается.

— Поясни.

— Всё необходимое: и еда, и здоровье — приложатся — так, что и просить о них не надо. Лучи благодати Его будут непрерывно сиять в каждом человеке.

Акишеву хотелось бы поверить в это.

— Значит, ты считаешь, что Бога нужно искать не в камне, а в нас самих, — произнёс он, глядя через окно террасы в сторону леса. — Но зачем?

— Как это зачем? — изумилась жена и внимательно вгляделась в задумчиво-хмурое лицо мужа. — Затем, чтобы звериную сущность человека держать в узде.

С этим Акишев не мог не согласиться.

В этот день он прочитал в интернете, что метеориты не бывают округлыми, похожими на кофейное зерно. Поначалу Валерий Петрович сильно разозлился на себя, а потом подумал: «Если Бог знает, что нам действительно нужно, если это так.., то главное, чтобы нас, дураков, простил... Да, человек летает в космос, но всё равно не может быть выше неба. Но он должен быть выше его осколков».

Со временем прораб Акишев успокоился и даже почувствовал себя более счастливым, чем был до посещения планетария. Но, когда ходил за зверобоем и другими лесными дарами, всё-таки по привычке присматривался к камням. И грибов приносил немного.

От редакции.

11 февраля подольскому писателю Сергею Грачёву исполнилось 60 лет. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького 1986 года (творческий семинар Анатолия Приставкина), член Московской городской организации Союза писателей России, он является автором девяти книг прозы «Никто не застрахован» (1993), «Рисунок на старых обоях» (1996), «Если ты смеёшься...» (1998), «Медвежий баян» (2000), «Арфа возмездия» (2006), «Сорванный поцелуй» (2008), «Истории нашего времени» (2012), «Тропой зелёной ящерицы» (2019), «Осколок неба» (2021), а также семи книжек для детей. В последние годы Сергея Анатольевича часто приглашают в детские библиотеки, школы и детсады, на грачёвских сказках в Подольске уже выросло целое поколение!

В журнале «Аргамак» в 2012 году № 3(12) печаталась повесть Сергея Грачёва «Племянник», в 2019 году он выступал в Казани, Елабуге и Набережных Челнах на все-российском литературном фестивале «Осенины».

Мы от души поздравляем нашего друга и коллегу, главного редактора подольского издательства «Информация» и «Подольского альманаха» с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья и крепкой прозы.

